

РЕВОЛЮЦИИ И ТРАМВАЙ

воря о том, как революция входит в Ваш роман, даже трудно четко отделить Февральскую революцию от Октябрьской. В романе это выглядит как все вместе взятое, как вообще семнадцатый год».³

Через несколько месяцев после получения новомирского отзыва Пастернак для готовившегося в Гослитиздате сборника стихотворений написал по просьбе редактора Н.Н. Банникова вставную главу в автобиографический очерк «Люди и положения», который должен был служить предисловием к сборнику. В этой главе (в итоге не включенной в текст очерка) Пастернак, заявив: «Совсем недавно я закончил главный и самый важный труд, единственный, за которого я не стыжусь и за который смело отвечаю», ответил на упреки официальных рецензентов:

Отвлеченные созерцатели, главным образом из интеллигенции, не изведавшие страданий, от которых изнемогал народ, в том случае, если они сочувствовали революции, рассматривали ее сквозь призму царившей в те военные годы преемственной, обновлено патриотической славянофильской идеологии.

Они не противопоставляли Октября Февралию как две противоположности, но в их представлении оба переворота сливались в одно нераздельное целое Великой русской революции, обессмертившей Россию между народами, и которая в их глазах естественно вытекала из всего русского многотрудного и святого духовного прошлого.⁴

Говоря об отношении Живаго к революции и упоминая его первую восторженную реакцию, авторы отзыва воспроизводили строчки, где герой удрученно вспоминает, как оказался на минуту слишком «отзывчив»:

– Главное, что гениально? Если бы кому-нибудь задали задачу создать новый мир, начать новое летоисчисление, он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место. Он бы ждал, чтобы сначала кончились старые века, прежде чем он при-

³ Там же, стр. 353. Отметим, что с прямо противоположной позиции смотрел на эту сторону «Доктора Живаго» Владимир Набоков, писавший Глебу Струве 14 июля 1959: «Мне нет дела до идейности плохого провинциального романа – как русских интеллигентов не коробит от сведения на Февральской революции и раздувании Октября (чему, собственно говоря, Живаго обрадовался, читая под бутафорским снегом о победе советов в газетном листке?)...». – Владимир Набоков, «Письма к Глебу Струве», Звезда, 1999, № 4, стр. 35.

⁴ Борис Пастернак. Полное собрание сочинений в 11 тт. (Москва, 2004). Том III, стр. 532.

Революции и трамваи

Константин Поливанов
Высшая Школа Экономики, Москва

Отзыв редколлегии *Нового Мира* на роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» оказался первой по времени появления развернутой «критической» рецензией на произведение. Согласно письму главного редактора журнала Константина Симонова отзыв был написан в сентябре 1956 года:

В первых числах сентября 1956 года пять членов редакционной коллегии журнала «Новый мир» (Федин, Лавренев, Агалов, Криницкий, Симонов), прочитав предложенную журналу рукопись романа Пастернака, написали автору письмо, в котором подробно излагались мотивы отклонения рукописи. Письмо это, объемом в тридцать пять страниц, было написано с широкой аргументацией всех политических пороков романа с тем, чтобы в случае появления романа в заграничных издательствах, можно было бы при помощи публикации этого письма принять одну из возможных контрмер. Сама идея написания этого письма возникла при совместном обсуждении этого вопроса с товарищами Поликарповым и Сурковым в Отделе культуры ЦК КПСС.¹

Публикация этого отзыва на страницах *Литературной Газеты* сразу вслед за объявлением Нобелевского комитета о присуждении премии Пастернаку стала одним из главных эпизодов антипастернаковской кампании в советской печати. В отзыве, помимо стандартных обвинений в «индивидуализме», содержались и намного более сильные выражения: «зоологическое отщепенство», «двуродничество», ненависти Живаго «к революции хватило бы на двух Деникиных»² и т.д. Одним из политических грехов, в которых рецензенты обвиняли роман, было нежелание автора противопоставлять февральскую и октябрьскую революции 1917 года: «Го-

¹ «А за мною шум погони ...»: Борис Пастернак и власть. Документы 1956 – 1972. Под ред. В.Ю. Афиани и Н.Г. Томилиной (Москва, 2001), стр. 89–90.

² Там же, стр. 362, 368, 363.

ступит к постройке новых, ему нужно было бы круглое число, красная строка, неисписанная страница.

А тут, нате пожалуйста. Это небывалое, это чудо истории, это открытие ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденности, без внимания к ее ходу. Оно начало не с начала, а с середины, без наперед подобранных сроков, в первые подвернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великолое.⁵

Они упустили при этом деталь, которая как раз могла бы служить символическому противопоставлению октября и февраля в романе Пастернака.

В середине февраля 1917 в Петрограде среди главных причин беспорядков в городе, приведших в конечном итоге к революции, были не только перебои в снабжении мукой, хлебные очереди и демонстрации под лозунгом «Хлеба! Хлеба! Хлеба!», но и нарушения работы сети городских трамваев. Постепенное сокращение числа трамваев (обновление парка вагонов практически прекратилось с начала войны) приводило к появлению огромных очередей на остановках. О несчастных случаях «во время давки пассажиров» регулярно сообщали петроградские газеты.⁶ Городское начальство попыталось решить трамвайные проблемы:

По ходатайству городского самоуправления, главный начальник петроградского военного округа ген. Хабалов учредил особую военно-трамвайную комиссию под председательством ген. Калантарова, которая и занялась на днях обсуждением вопроса об упорядочении в столице трамвайного движения.

<...> Для того, чтобы внести некоторый порядок в вагонах, комиссия решила на всех местах остановок учредить очереди, за выполнением которых будет следить особый трамвайный агент. К каждому маршруту будет соблюдаться и особая очередь, т.е. говоря другими словами, публика должна будет становиться в «хвосты» для каждого маршрута отдельно. Что касается переполнения в самых вагонах, то на задних площадках за порядком будет наблюдать также особый агент. Реформа настолько остроумная, что сама за себя говорит.⁷

⁵ Борис Пастернак. *Полное собрание сочинений в 11 томах*. Том IV, стр. 193–194.

⁶ *Речь*, 1917, № 45, 17 февраля, стр. 5; *Новое Время*, 1917, 17 февраля, стр. 7; *Речь*, 1917, № 52, 24 февраля, стр. 5.

⁷ «Военно-трамвайная комиссия», *Новое Время*, 1917, 22 февраля, стр. 6; «Упорядочение трамвайного движения», *Речь*, 1917, № 50, 22 февраля, стр. 4.

Одной из форм уличных протестов стало откручивание ручек управления у трамваев, что привело к тому, что практически на всех линиях стали неподвижные вагоны, тем самым заблокировав все движение. 24 февраля движение трамваев было приостановлено.⁸

Новые, революционные власти Петрограда сразу принялись за восстановление движения:

5-го марта в 3 ч. дня уполномоченный военной комиссии А.Н. Кремлев сделал доклад военному министру А.И. Гучкову относительно восстановления трамвайного движения в Петрограде. По получении согласия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов на участие рабочих в восстановлении движения были приняты подготовительные меры. 4-го марта управляющим трамваями было приглашено 300 человек для расчистки рельс, вчера утром вышло еще 500 человек, которые по слухам праздника согласились работать только до 12 час. дня. Приступлено также к спешному исправлению разорванных проводов. Предположено в 6 часов утра открыть движение по наиболее необходимым линиям, - по маршрутам №№ 3, 4, 5, 13, 14, 20 и, по всей вероятности, 18.⁹

Только 7 марта удалось частично восстановить движение трамваев, причем это сопровождалось, как было принято в те дни, специальными манифестациями:

Сегодня, в день открытия трамвайного движения в Петрограде, служащие трамвайных парков устроили грандиозную манифестацию в честь Революции.

По городу было пущено 15 трамвайных вагонов с транспарантами и плакатами: «Да здравствует демократическая республика», «Восьмичасовой рабочий день» и «Земля и воля».

Трамвайные вагоны привлекали внимание населения Петрограда; на некоторых остановках вагоны находились в центре огромных митингов. Из окон вагонов доносились звуки «Марсельзы» и других революционных песен. На Невском и на многих других главных улицах столицы население встречало манифестацию трамваев с обнаженными головами.

Манифестация трамваев закончилась в 11-м часу утра, и с этого времени стало восстанавливаться в полном объеме нормальное пассажирское движение. На всех остановках комиссариат милиции, милиционеры и студенты-политехники следят за соблюдением очередей.

⁸ *Утро России*, 1917, 2 марта, стр. 2.

⁹ «Восстановление трамвайного движения», *Биржевые Ведомости*, 1917, 6 марта, стр. 4.

Сегодняшний опыт показал, что обязательная очередь для пассажиров при посадке в вагоны трамвая вносит порядок в трамвайное движение.¹⁰

Привести в порядок трамвайное движение не очень удалось и к 10 марта:

Управляющий городскими железными дорогами сообщил сегодня городскому голове ряд данных, иллюстрирующих состояние трамвайного движения в Петрограде.

Число вагонов, находящихся в движении 590. Не открыт еще маршрут 16 частью 19, 22 и 23 из-за недостатка вагонов и непрочистки путей в отдельных местах.

Количество остановок, на которых организуются очереди, увеличиваются, и публика постепенно привыкает соблюдать порядок.

Служащие городских железных дорог осуществляют 8-часовой рабочий день без предъявления предварительного требования <...>¹¹

Между тем осенью подобных безобразий в столице с трамвайным движением не произошло – и Юрию Живаго представлялось в октябре 1917, что «гениальность» нового переворота заключается в способности не прерывать ход идущей жизни, в частности не нарушать работу городского транспорта.

Своеборазным подтверждением такому противопоставлению двух революций по отношению к трамвайному движению служит картина революционного быта, нарисованная в поэме Маяковского «Хорошо». Здесь октябрьский переворот именно *не* приводит к нарушению движения трамваев. В начале 6 части поэмы:

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами
как дуют
при капитализме.
За Троицкий
дули
авто и трамвы,
обычные
рельсы
вызмеив...

¹⁰ «Манифестация трамваев», *Биржевые Ведомости*, 1917, 7 марта, стр. 4.

¹¹ «О трамвайном движении», *Биржевые Ведомости*, 1917, 10 марта, стр. 4.

а в конце:

Дул,
как всегда,
октябрь ветрами.

Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамвы
уже —
при социализме.¹²

¹² В. Маяковский. *Собрание стихотворений в 2 томах*. (Ленинград, 1950). Том 1, стр. 505, 513.